

Между тем народ страдает. Машины на фабриках не работают, мастерские закрываются, капиталист прячется в свою уютную норку; заказов нет, торговля не идет. Рабочий теряет даже тот ничтожный заработок, какой имел прежде, а цены на жизненные припасы растут и растут...

Но он ждет с геройским самоотвержением, которым всегда отличается народ в решительные минуты, когда он доходит до великого. «Мы отдаем на службу республике три месяца нужды», - заявили парижские рабочие в феврале 1848 года, когда республика была провозглашена во Франции, - в то время как господа «представители народа» и члены временного правительства, все, до последнего служителя, аккуратно получали свое жалованье! Народ страдает. Но со свойственной ему детской доверчивостью, с добродушием массы, верящей в своих вождей, он ждет, чтобы им занялись там, наверху-в палате, в думе, в Комитете общественного спасения.

Но там думают обо всем, кроме народных страданий. Когда в 1793 году голод свирепствовал во Франции, грозя судьбам революции; когда народ был доведен до последней степени нищеты, в то время как по Елисейским полям разъезжали в великолепных колясках барыни в роскошных туалетах, Робеспьер настаивал в якобинском Клубе на чем? - на обсуждении его мемуара об английской конституции! Когда в 1848 году рабочий сидел без куска хлеба, вследствие всеобщей остановки промышленности, Временное правительство и палата препирались о пенсиях военным офицерам и о работах в тюрьмах и даже не подумали спросить себя, чем живет народ в такую пору безработицы. И если можно упрекнуть в чем-нибудь Парижскую Коммуну, родившуюся в таких скверных условиях, под пушками пруссаков, и просуществовавшую всего семьдесят дней, то и ее придется упрекнуть в том, что она не поняла, что без сытых солдат нельзя одержать победу и что на тридцать су в день (полтинник) в осажденном Париже нельзя рабочему сражаться на укреплениях и в то же время кормить свою семью.

Народ страдает и спрашивает: «Что делать, чтобы выйти из этого положения?»

III

Нам кажется, что на этот вопрос может быть только один ответ. Признать и заявить во всеуслышание, что всякий, каков бы ни был в прошлом его ярлык, как бы он ни был силен или слаб, способен или неспособен, имеет прежде всего право на жизнь и что общество должно делить между всеми те средства существования, которыми оно располагает. Это нужно признать, провозгласить и действовать соответственно этому.

Нужно сделать так, чтобы с первого же дня революции народ понял, что для него наступила новая пора; что с этого дня никому уже больше не придется ночевать под мостами, когда рядом стоят пышные дворцы; никому не придется голодать, покуда есть в городе съестные припасы; никому не придется дрожать от холода, когда рядом стоят меховые магазины. Пусть все принадлежит всем как в принципе, так и в действительности, и пусть, наконец, в истории произойдет хоть одна революция, которая позаботилась о нуждах народа, прежде чем отчитывать ему проповедь о его обязанностях.

Но указами этого сделать нельзя. Добиться этого можно, только если народ на деле, непосредственно завладеет всем, что нужно для жизни; это единственный действительно научный способ действия и единственно понятный народной массе и для